

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СТАРОЙ ЛАДОГИ

А. И. Волковицкий, А. А. Селин
**БОЛЬШИЕ ДОМА СТАРОЙ ЛАДОГИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ**

Археологическое изучение Староладожского Земляного городища на протяжении столетия позволило накопить солидный комплекс источников, характеризующих самые разные стороны материальной культуры средневекового поселения.

Напомним, в 1911–1913 гг. Н. И. Репников исследовал «ок. 400 кв. м»/«640 кв. м» (в разных работах фигурирует разные цифры, что связано со сложностью подсчета как реальной площади «ломаного раскопа», так и с оценкой площади участков, доведенных до материка). В сер. XX в. его раскоп был расширен Староладожской экспедицией под руководством В. И. Равдоникаса на площади ок. 1500 м². Опубликованная сетка его раскопа больше, но, в отчетной документации указывается, что на многих участках вскрытая на уровне дневной поверхности площадь оказывается больше, чем на уровне нижних горизонтов, к тому же, ряд квадратов, так же как и ранее Репниковым, не был исследован до материка. В 1970-е — 1980-е гг. 288 м² в районе западного вала, прирезавшись к единому раскопу Равдоникаса–Репникова вскрыл Е. А. Рябинин (доисследовал 56 м² раскопа 1948–1950 г.), позднее, в 1984–1998 гг. двумя раскопами, не связанными с единой вскрытой ранее площадью, А. Н. Кирпичниковым был изучен участок на северо-западном бастионе Земляного городища в районе его Воротной (Проездной) башни (всего 224 м²). Наконец, в 1999–2010

им же на площади 361 м² исследовалась южная часть памятника¹ (рис. 1²).

В XX–XXI вв. на Земляном городище крупными площадями было вскрыто чуть менее 3000 м² (эти цифры не учитывают многократные исследования руинированной церкви св. Климента 1153 г. и разведочные раскопки Н. И. Репникова и В. И. Равдоникаса, которые зачастую имели вполне солидную площадь (до 40 м²). Лишний раз, вслед за С. Л. Кузьминым подчеркнем, что до сих пор, говоря о ладожском поселении, подчас — считая его неким эталонным памятником, характеризующим целый комплекс важнейших региональных и общеевразийских культурно-исторических процессов, исследователи анализируют, в первую очередь, материалы именно этих 3000 м², а точнее — еще меньшей площади, учитывая сохранность и распространение культурного строя, качество раскопок, комплектность полевой документации и вещевых коллекций. С известной натяжкой заметим, что на протяжении последних двух десятилетий в «фундаментальной археологии» Ладogi мало что сдвинулось: разработка ярусологии Земляного городища Кузьмина–Мачинской³ венчала цикл исследований 1980-х гг. В то же время, несмотря на обилие публикаций материалов раскопок памятника последних десятилетий⁴, они являют собой фактически лишь

¹ В 2011 г. Раскоп 3–4 в южной части городища был расширен в восточном направлении на площади 156 м².

² Реальная конфигурация раскопов на рисунке несколько отличается от фактической: привязка сделана к основной сетке единого раскопа Репникова–Равдоникаса–Рябинина; поэтому, например, южная граница раскопа 1911–1913 гг. смыкается с северной границей раскопа 2006–2010 гг., в то время как на практике их разделяет несколько метров.

³ Кузьмин С. Л. Стратиграфия и некоторые проблемы истории Староладожского поселения VIII–X вв. // Культурная антропология. Археология. 2000. № 5. Великая Скуфь. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. С. 50–69; *Kuz'min S. Ladoga, le premier centre proto-urban Russe // Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie. Actes du Colloque International tenu au College de France en October 1997. Paris. 2000. S. 123–142.*

⁴ Кирпичников А. Н., Назаренко В. А. Деревянные сооружения Старой Ладogi по раскопкам 1984–1991 г. // Древности Поволховья. СПб. 1997; Кирпичников А. Н., Сорокин П. Е. Исследования Староладожского «Земляного городища» в 2000 году // Ладoga и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 151–158;

отчеты о самих раскопках. Оценка выявленных горизонтов и построек оказывается как бы вне плани- и стратиграфических схем, увязанных на единый центральный «раскоп трех Р».

Серьезным фактором, характерным для изучения Ладоги (вероятно, не только ее) разными поколениями исследователей, мы считаем очевидный «разрыв» между личностями авторов раскопок, временем собственно полевых исследований и вводом материалов в научный оборот. Раскопки Н. И. Репникова известны благодаря публикации Г. П. Гроздилова и П. Н. Третьякова⁵, выполненной спустя многие десятилетия, и можно лишь гадать, в какой мере на выводы авторов, работавших с архивными материалами, влиял их личный опыт работы в экспедиции В. И. Равдоникаса. Последний оставил лишь «отчетный» взгляд на самые общие результаты части своих исследований⁶, в то время, как подлинную жизнь в науке материалы его раскопок обрели благодаря работам, в первую очередь, О. И. Давидан, которая соединила в своем научном творчестве публикацию самых разных категорий и разработку стратиграфической схемы Земляного городища⁷.

Исследования Земляного городища Е. А. Рябининым составляют исключение — непосредственно автором раскопок были проанализированы и введены в научный оборот материалы соб-

Кирпичников А. Н. 1) Производственный комплекс IX в. из Старой Ладоги // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 227–250; 2) Производственный комплекс IX в. из Старой Ладоги // Старая Ладога. Первая международная археологическая экспедиция-школа. СПб., 2004. С. 251–284; 3) Раскопки Староладожского «Земляного городища» в 2005 году // Санкт-Петербургский летний культурно-исторический университет. СПб., 2006; 4) Новые археологические исследования раннесредневекового города Ладога (по данным раскопок 2007 г.) // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет. СПб., 2008; *Кирпичников А. Н., Саратьянов В. Д.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2010.

⁵ Старая Ладога. Л., 1948.

⁶ *Равдоникас В. И.* 1) Старая Ладога // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 35–42; 2) Старая Ладога (Из итогов археол. исслед. 1938–1947 гг.). Ч. 1. СА. 1949. Т. 11; 3) Старая Ладога (Из итогов археол. исслед. 1938–1947 гг.). Ч. 2. СА. 1950. Т. 12.

⁷ *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. № 17. 1976.

ственных полевых изысканий на основании существовавшей стратиграфий памятника, в значительной степени дополнив и скорректировав ее⁸; его работы, в свою очередь, стали основанием для разработок С. Л. Кузьмина и А. Д. Мачинской, принимавших непосредственное участие в раскопках в Ладoge в 1980-е гг.

Специфика современных исследований Земляного городища — от момента раскопок до публикации их итогов была отмечена выше; именно она побуждает нас обратиться к материалам Староладожской археологической экспедиции последнего десятилетия, свидетелями и участникам работ которой в 2000-е гг. являются соавторы.

Отправной точкой такого этюдного обращения нам видится соотнесение выявленных в южной части Земляного городища археологических контекстов с устоявшимися в научной литературе объективными и рабочими конструктами — планиграфией, стратиграфической шкалой, строительными ярусами и дендрохронологической колонкой Земляной городища и их сопоставлению. Обратим внимание на то, что каждый новый цикл раскопок памятника и их последующее осмысление приводили к появлению все большего количества допущений, которые со временем уже становились основаниями для последующих исследований. Так, например, сформулированная первоначально стратиграфия Земляного городища (несколько слоев и ярусов застройки, выделенных Н. И. Репниковым) была позднее дополнена В. И. Равдоникасом, скорректирована О. И. Давидан на основании полевой документации раскопок сер. XX в., отчасти, параллельно и синхронно выводам Е. А. Рябининым, ориентировавшимся в своих выводах на специфику исследованного им небольшого участка поселения⁹.

⁸ *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // *Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования.* Л. 1985. С. 27–75; *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // *СА.* 1988. № 1. С. 72–100.

⁹ При обращении к этой историографической проблеме под изложенным углом зрения, нельзя не заметить определенную интонацию «облегчения» в ряде текстов Е. А. Рябининой, связанную с выделением О. И. Давидан на основании полевой документации середины столетия трех микрогоризонтов

Устоявшейся после работ Е. А. Рябина стратиграфии нижних горизонтов Земляного городища зачастую придают универсальный характер, в то время как сам автор раскопок прямо и косвенно подчеркивал, что подобное членение выявленных микрогоризонтов не может быть единым для всего памятника, оно связано со спецификой застройки на конкретном участке, более того, один из его выводов сводился к признанию «известной условности стратиграфической шкалы Староладожского городища, к тому же не всегда увязываемой с определенными строительными ярусами», Е. А. Рябинин подчеркивал, что «горизонт E_2 ... далеко не на всей площади может служить ярким, дифференцирующим признаком ... горизонты E_1 и Д в стратиграфическом отношении не имеют существенных различий» (Рябинин, Черных, 1988: 98)¹⁰.

Выходом из этой ситуации стало выделение строительных ярусов — такой подход был намечен Е. А. Рябининым для раскопанной им площади, позднее он стал базовым для исследований С. Л. Кузьмина и А. Д. Мачинской, разработавших ярусологию нижних слоев уже всего Земляного городища с опорой на дендродаты и яруса участка, раскопанного в 1970-е — 1980-е гг. Наиболее слабым моментом в выбранной ими стратегии являлось то, что сумма археологических данных на ограниченной площади стала в их исследованиях эталонной для всей площадки Земляного городища. Кроме того, сомнение вызывает попытка авторов свести в синхронные яруса группы построек в старых раскопках, лишенные дендродат. Есть сомнение и в точности абсолютных дат, актуальных лишь для участка раскопок Е. А. Рябина.

Подчеркивая эти историографические феномены, мы, не впадая в излишний неаргументированный скептицизм, лишней раз хотим обозначить сами границы познания, связанные с анализом собственно археологии Земляного городища, не оставляя для себя возможным абсолютизировать гипотезы, возводимые в ранг застройки в нижнем горизонте Земляного городища, что совпало с его наблюдениями в полевых условиях.

¹⁰ Если оценка горизонта E_2 справедлива, как нам представляется, в отношении участка, исследованного в 1999–2010 гг., то стратиграфическое разделение горизонтов Д и E_1 фиксировались здесь вполне отчетливо, что на деле только подтверждает изначальный тезис, сформулированный Е. А. Рябининым.

доказанных «фактов». В археологической (и «околоархеологической») литературе, посвященной Ладоге, такие «факты» часто используются для «подтверждения» известий письменных источников, что на наш взгляд, намечает отход от археологии в сторону умозрительных реконструкций, основанных на слишком большом числе допущений.

Возвращаясь к раскопкам Земляного городища последних лет и проблеме соотнесения их материалов с уже введенными в научный оборот материалам, отметим что на начальном этапе исследования вполне логичным выглядит обращение, в первую очередь, к данным, полученным на участке в районе западного вала Земляного городища, вскрытых Е. А. Рябининым. Раскопы, исследовавшиеся Е. А. Рябининым и А. Н. Кирпичниковым расположены на периферии поселения, изучались на схожем уровне, имеют сопоставимую стратиграфию и дендрохронологическую колонку. В ожидании монографической публикации А. Н. Кирпичникова мы остановимся лишь на некоторых проблемах, связанных с застройкой горизонтов Е₁ и Д по итогам раскопок 2000-х гг.

Центральным комплексом Раскопов 3 и 4¹¹ без сомнения оказывается «большая постройка» горизонта Д. Наличие только лишь полевой документации без систематизации автором раскопок всего комплекса сооружений на исследованной площади вынуждает нас именно так ее именовать: «большая постройка 2002, 2007 гг. раскопок» (рис. 3, 1).

До этого слоя (в целом — и ниже) стратиграфия раскопов в целом соответствовала стратиграфии Земляного городища на едином раскопе Равдоникаса–Рябинина. Разные конструкции этого горизонта — Д (по Давидан и Равдоникасу), Д_{верхнее} — Д_{нижнее} (по Рябину), VIII–XI яруса (по Кузьмину–Мачинской) с открытой верхней датой в целом датируются в пределах X — нач. XI в. (920-е — 990-е).

¹¹ Площадь, вскрытая двумя раскопами 1999–2005 и 2006–2010 в южной части Земляного городища Староладожской археологической экспедиции под рук. А. Н. Кирпичникова, в Отчетах именуется так, хотя сквозная нумерация (от I до VII) была присвоена основному раскопу на северо-западном бастионе и серии шурфов на р. Ладожке еще в 1984 г.; таким образом в полевой документации появились двойные номера от 2 до 5 (раскопы, исследовавшиеся, соответственно, в 1992–1998, 1999–2005, 2006–2010 и с 2011 г. и фигурирующие в документации разных сезонов под арабскими и римскими цифрами).

Большая постройка была исследована под напластованиями без опознаваемых (или фрагментарно сохранившихся) деревянных конструкций верхней части горизонта Д, перекрытых в свою очередь, древнерусским слоем (= горизонт Г традиционной стратиграфии) с широкой датой, но с фрагментарно сохранившейся застройкой XI (?) — XII–XIII вв.

А. Н. Кирпичниковым в последней публикации постройка описывается как «сооружение шириной 10 и длиной не менее 17 м, ориентированной длинной стороной по линии запад-восток»¹². Подчеркнем, скорее, по линиям пикетной сетки, единой для Земляного городища, имеющей отклонение от направления на стороны света, начиная с раскопок В. И. Равдоникаса, который, в свою очередь, фактически прирезался к «ломаному» раскопу Н. И. Репникова, для которого ориентиром, очевидно, был фундамент ц. св. Климента. Таким образом, отклонение сетки раскопок точно совпадает с ориентацией храма XII в. Это заставляет предполагать в средневековой Ладоге устоявшиеся на протяжении столетий градостроительные ориентиры, определявшие застройку центральной части поселения, важнейшим из которых было направление небольшого естественного всхолмления, лежащего в основании Земляного городища, параллельного течению Волхова.

Автором раскопок указаны важнейшие планиграфические элементы исследованного сооружения: центральное отапливаемое помещение и располагавшаяся по периметру галерея. Собственно жилой объем был сформирован каркасно-столбовой конструкцией, которая набиралась из мощных столбов (по 5 на северной и южной) стенах диаметром до 0,45 м в вертикальные пазы которых набирались стены, выполненные из «бревен диаметром 20–25 см». Такие характеристики несколько превышают диаметр бревен стен, обычных для срубных конструкций Староладожского поселения¹³. Это позволяет ставить вопрос об ином

¹² Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога... С. 69 и ниже.

¹³ Любопытный факт не являвшийся предметом обсуждения: диаметр бревен, шедших на строительство в т. ч. срубных конструкций нижних горизонтов Ладоги заметно уступает диаметрам бревен в более поздних новгородских постройках (см. напр. Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М. 1992. С. 20 и ниже), для которых 0,2–0,25 м и больше было обычным явлением.

устройстве наборных стен данной постройки. Сохранность самого сооружения была попросту неудовлетворительной, уверенно опознать среди этой истлевшей древесины в процессе раскопок «бревна», а не мощные «доски» или «горбыль» было фактически невозможно, между тем как использование именно досок и горбыля для стен представляется нам куда более логичным¹⁴.

Шаг столбов, формировавших стены и являвшихся, несомненно, важнейшими элементами несущей кровлю системы, составлял по длинной стороне ок. 3 м, по торцевой — ок. 4 м. Принципиальным обстоятельством нам представляется выявление такого центрального столба лишь на западной стене сооружения — это может быть связано с двумя обстоятельствами — либо сооружение еще продолжается на восток, либо, что более вероятно, принимая во внимание указанный выше стандартный шаг столбов, продолжение которого не фиксируется восточнее, эта торцевая стена постройки имела иное конструктивное оформление, нежели западная. Логично предположить здесь иным образом оформленный вход в постройку и особую историю его археологизации. Надо заметить, что восточная часть постройки была нарушена нижележащей более ранней большой срубной постройкой, у которой на этом месте находился очаг, представлявший собой песчанно-золистое всхолмление; рельеф этого объекта определил специфичный характер проседания и сохранности следующего яруса застройки¹⁵.

Отопительным устройством большой постройки являлся «очаг» прямоугольной формы, расположенный по центральной оси дома в его западной части с основанием 1,2×3,6 м, сложенным из крупных известняковых плит. Материалы

¹⁴ В одном из более ранних текстов А. Н. Кирпичников и сам полагает, что стены постройки были сделаны из «плах» (*Кирпичников А. Н., Богуславский О. И. Древняя Ладога — столичный город, крепость и порт исторической России // Старая Ладога. Первая международная археологическая экспедиция-школа. СПб., 2004. С. 42*).

¹⁵ Добавим, что и многие деревянные конструкции в восточной части Раскопа 4 слишком поспешно, на наш взгляд, были разнесены между двумя разными строительными ярусами, которые оказались здесь, по сути, на одном уровне (в частности просевшие доски, в т. ч. корабельные от пологого настила большой постройки и развал нижележащего очага) — проблема, несомненно, требует нового обращения.

раскопок 2002 г. не позволяют уверенно ответить на вопрос о том, являлся ли очаг открытым или закрытым, в большей степени интуитивно полагаем — закрытым.

Более критично можно рассмотреть вопрос о «галерейной обноске» комплекса. А. Н. Кирпичников в 2010 г. указал, что «жилой покой был окружен стенами галереи, выполненной в срубной технике. Эти стены с трех сторон отстояли от стен покоя примерно на 1 м, а с четвертой, восточной стороны — не менее, чем на 4 м <...> соединились рубкой “в обло”, их длина в сохранившемся виде составила до 6,5 м»¹⁶. Оставив в стороне вопрос о подлинном характере и назначении «галереи» большой постройки 2002, 2007 г. и галерей ладожских домов вообще, остановимся на реальных фактах.

Авторское описание едва ли соответствует конструктивным особенностям комплекса. Ряд неточностей и гипотетическая реконструкция напрямую связаны с «отчетным» характером публикации, когда многие выводы, ставшие исследовательским ориентиром, явно были сделаны еще в 2002 г. и не были скорректированы после раскопок 2007–2008 гг. Действительно, сравнительно небольшой объем постройки, выявленный в 2002 г., казалось бы, предполагал наличие обносной галерейной конструкции по аналогии с некоторыми постройками нижних горизонтов Земляного городища. Отсюда и происходит цифра «6,5 м». Это расстояние от реконструируемого юго-западного угла до бортов раскопа 2002 г., в то время как в 2007 г. южное бревно обноски было прослежено на общем протяжении ок. 13 м, где оно доходило до крайней восточной линии опорных столбов жилого объема сооружения, аналогично зафиксированному тогда же и северному бревну обноски, прослеженному на такой же длине. В этот период раскопок, очевидно возникло не имеющее подтверждения в материале представление об отнесенности восточной границы галереи от восточной границы отапливаемого объема на «не менее чем на 4 м». Полевая документация, напротив свидетельствует, что сохранившиеся бревна обноски особо не выступали за торцы жилого покоя. Это само по себе ставит вопрос не только о конструктивных особенностях большой постройки, но и самой ее интерпретации в качестве замкнутой крытой «галереи».

¹⁶ Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога... С. 70.

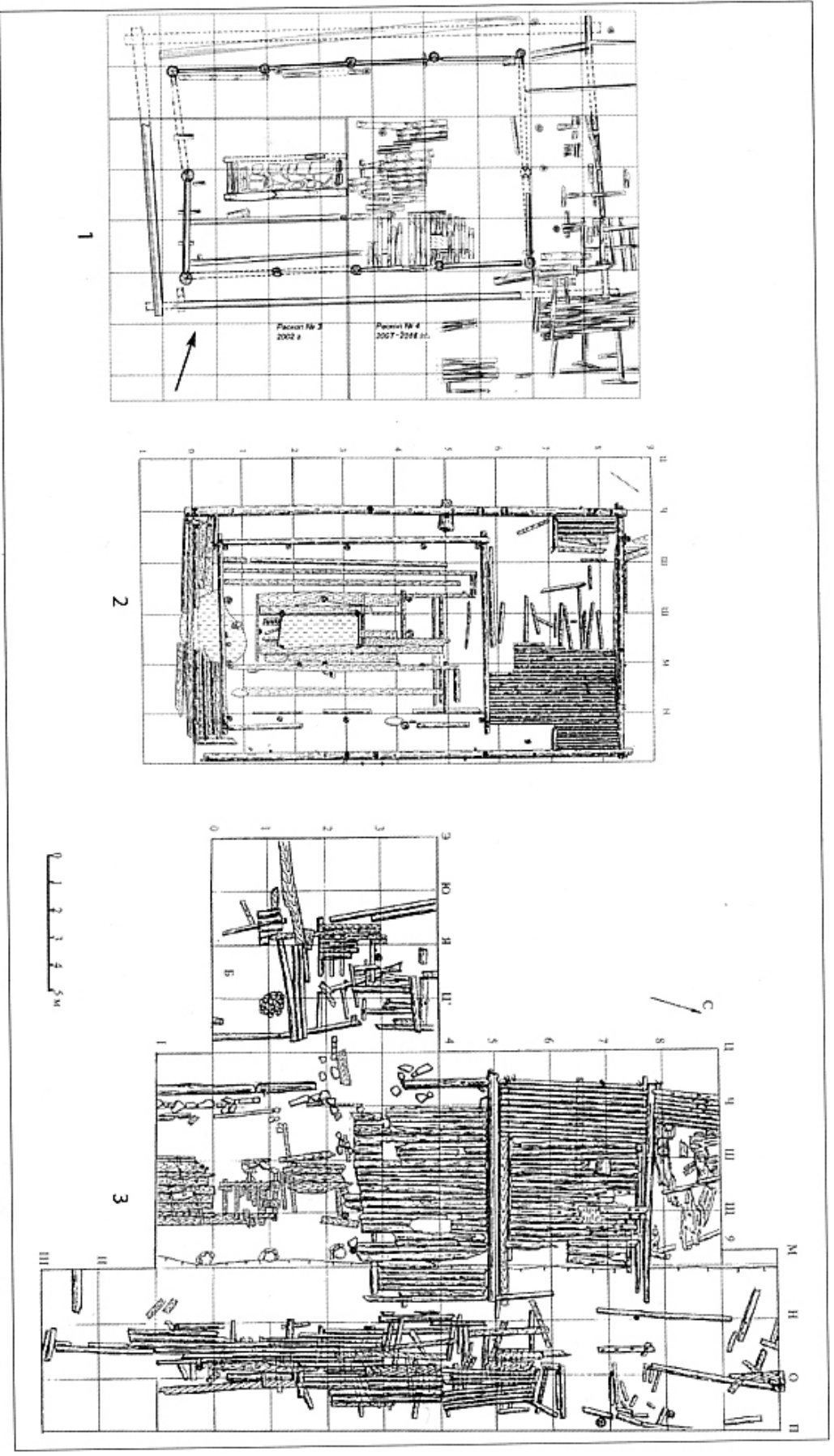

Рис. 3. Большие дома, исследованные в 1970-е — 2000-е гг.
 Руководитель — профессор А. Н. Кирпичников

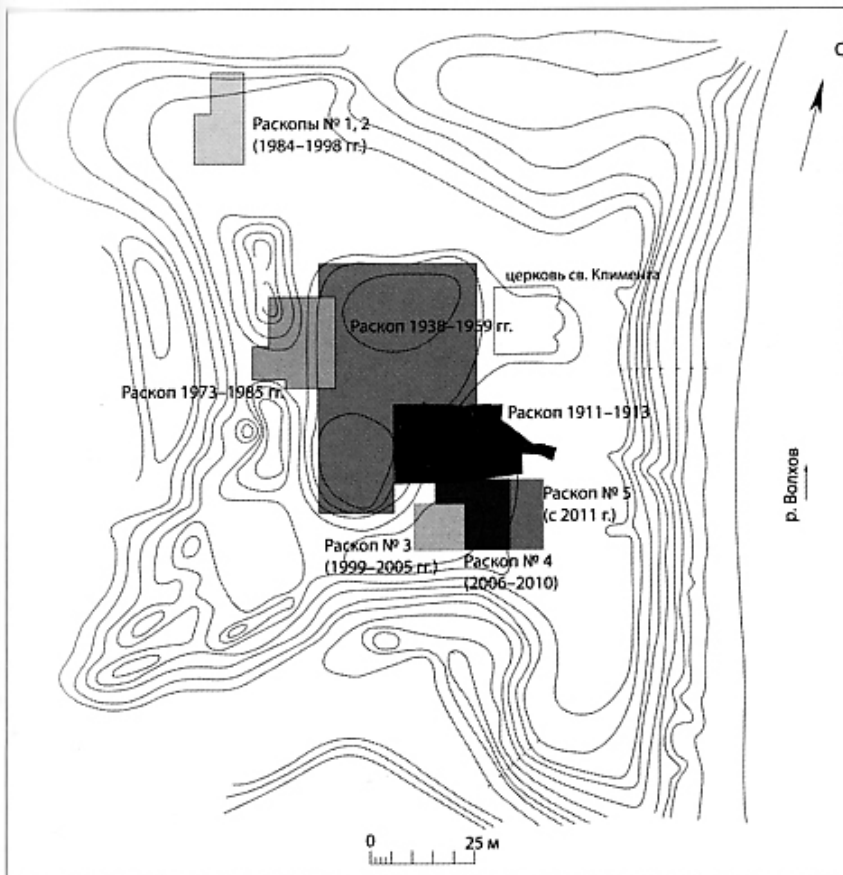

Рис. 1. Раскопы на Земляном городище. 2003 г.

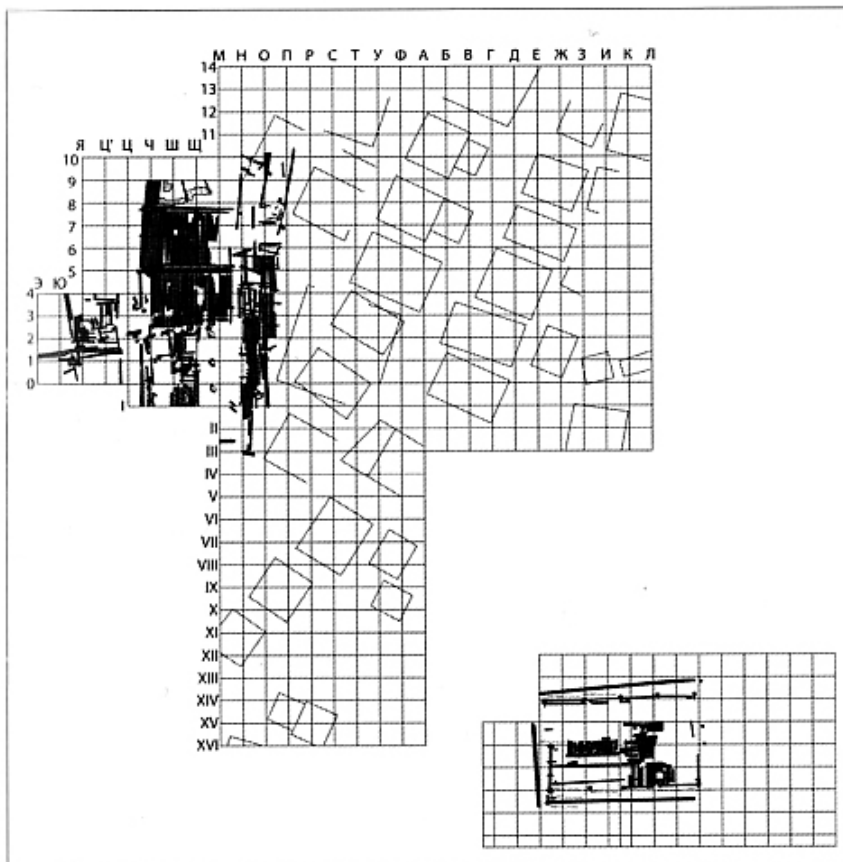

Рис. 2. Горизонт Д (VIII–IX яруса) Земляного городища по раскопкам В. И. Равдоникаса, Н. И. Репникова и А. Н. Кирпичникова

Предположение о срубном характере галерейной обноски, высказанное А. Н. Кирпичниковым («традиционный северорусский сруб»), как нам представляется, также сделано, исходя из общих представлений, а не из материалов раскопок. В большой постройке 894 г. (рис. 3, 2), исследованной в 1950, 1973 и в 1981 гг. В. И. Равдоникасом и Е. А. Рябининым, в бревнах обносной галереи, укрепленной колами и связанной по углам ее периметра врубками, были зафиксированы многочисленные пазы и вырубki для установки несущих вертикальных столбов¹⁷, в то время у большой постройки 2002, 2007 гг. раскопок такие конструктивные элементы отсутствуют. Против срубного характера галереи этого сооружения говорит и характер древесины бревен обноски, даже если предположить, что углы со врубками просто не сохранились. Диаметр бревен — более 0,5 м. При этом они представлены лиственными деревьями, что в комплексе едва ли оставляет возможность даже гипотетического продолжения их вверх в виде сруба. Все эти факты позволяют говорить о совершенно особом устройстве и назначении описанной системы элементов, в то время как весь комплекс следует охарактеризовать как большую постройку каркасно-столбового типа с очагом, расположенном на центральной оси сооружения, но смещенного в западную половину (не исключено, что и сам внутренний объем сооружения, традиционно считающийся единым помещением, таковым не являлся и делился внутренними перегородками, делившими его на несколько отсеков). Сохранность досок пола, их ориентация и конструктивное оформление может свидетельствовать о разделении продольного объема дома на два отсека — западного, связанного с очагом, где зафиксированы широкие длинные доски, залегавшие параллельно длинной оси сооружения и восточного, пол которого был оформлен секциями настилов из меньших, досок, уложенных в разном направлении. Жилой покой с трех сторон по периметру окружала мощная обноска, назначение и продолжение которой дискуссионно. Как мы уже отмечали, А. Н. Кирпичников несомненно ассоциировал исследованный им комплекс с большой постройкой 894 г. из горизонта Е₁, хорошо сохранившейся, неоднократно опубликованной и получившей архитектурную

¹⁷ Рябинин Е. А. Новые открытия... С. 44–45.

реконструкцию в качестве двухэтажного сооружения¹⁸. Такое сопоставление безусловно оправданно и необходимо, но последовательнее начать такое соотнесение с возведенным над постройкой 894 г. сооружением 2 четв. — сер. X в. Худшая сохранность этого комплекса не позволила Е. А. Рябинину выполнить его точную реконструкцию, но выявленные части постройки дают возможность характеризовать ее в качестве «большого дома» срубной конструкции с отопительным устройством в центре, с разделением на холодный и отапливаемый отсеки, с «выродившейся» каркасно-столбовой техникой оформления несущих узлов, которую в архитектонике самой идеи большого дома на данном примере в Ладоге сменяет техника срубная (рис. 3, 3). Принципиальным вопросом интерпретации данной постройки оказывается соотношение между собственно домом — отапливаемым покоем, который Е. А. Рябинин и определил как сруб (хотя никаких его конструкций попросту не сохранилось) и элементами, которые он в разных публикациях именовал «ограничительные бревна», «обноска» и т. д. Дополненная настилом в северной части сооружения, эта конструкция, повторяет срубно-столбовую галерею нижележащего сооружения лишь планиграфически. Именно поэтому автором раскопок она справедливо и не была опознана в качестве таковой. Малое расстояние между стенами реконструируемого сруба и обноской, мощные (до 0,4 м) неошкуренные бревна — эти признаки сближают конструкцию, исследованную Е. А. Рябининым со сходным элементом постройки 2002, 2007 гг. раскопок. В то же время, отметим и отличия у последнего из сооружений — отсутствие зафиксированных врубок на углах обноска и настила при входе, идущего на всю ширину жилого дома.

¹⁸ *Рябинин Е. А.* Новые данные о «больших домах» Старой Ладоги // *Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси.* СПб., 2002 С. 15–24. Последний вывод для нас далеко не бесспорен, как нам кажется, далеко не все принципиальные детали реконструкции имеют непосредственное археологическое подтверждение, еще больший скепсис вызывает сама идея двухэтажного сооружения в Ладоге, которое со всем своим комплексом технологических инноваций и социальных аспектов, связанных с такого рода постройками не только «вдруг» появляется в Ладоге в кон. IX в., но так же неожиданно повсеместно исчезает спустя четверть века, но фоне продолжающей существование традиции больших построек, в т. ч. каркасно-столбовых.

Описанный комплекс из горизонта Д, судя по дендродатам, был возведен ок. 930 г. (вар-ты: «ок. 931», «в кон. 920-х»). Именно с этим комплексом (и уже — с настилом к северу от него) связано устоявшееся в свое время в археологической литературе клише о времени появления гончарной керамике на Северо-Западе в 930 г. Следующий этап существования этой постройки начинается после пожара 950-х (вар-т: «ок. 954»), когда были перестроены как настил севернее постройки, так и ее отдельные части. Имеется серия спилов 960-х гг., позволяющих говорить о ее функционировании в это (возможно и в более позднее время). Е. А. Рябинин однозначно полагал (основываясь на характере вещевых находок) преемственность общественной группы, связанной с домом 894 г. и находившегося точно над ним комплекса 930–960-х гг. Таким образом, параллели в самом ладожском материале обращают нас не просто к одной постройке, но к паре сменявших на одном месте сооружений. Эти сооружения существовали без очевидного хронологического разрыва в 894 — после 960-х гг. (отметим, пока нет уверенных оснований говорить о функционировании постройки, исследованной в южной части Земляного городища в 3-й четв. X в.) на периферии основного массива застройки поселения на Земляном городище. Они демонстрируют развитие домостроительной техники: от сочетания каркасно-столбовой и срубной техник к доминированию срубной техники. О несомненно высоком статусе их жителей свидетельствует вещевой набор, связанный с этими домами.

Точная хронология большой постройки, исследованной в 2000-х гг., основана на дендродатах, которые демонстрируют следующее. Шесть дат с несущих больших столбов¹⁹ (917, 919, 924, 928, 928–929, 930–931) относятся к узкому хронологическому интервалу с верхней датой²⁰, абсолютно точно соответствующей ритму застройки, выявленному на западной окраине поселения Е. А. Рябининым.

¹⁹ Хронологическая атрибуция еще нескольких дендродат из постройки, заведомо более поздних высказана М. И. Кулаковой «под вопросом», поэтому мы позволили себе вообще исключить их из выборки; спил № 17 дважды указан в полевой документации 2008 г., что не влияет на выводы, касающиеся хронологии; мы полагаем что он был сделан с юго-западного углового столба, имевшего лучшую сохранность.

²⁰ С этого момента мы будем именовать комплекс «большая постройка 931 г.».

Этот феномен, конечно, требует дальнейшего исследования. Пока же мы хотели бы обратить внимание на идентичную динамику и характер застройки Ладоги кон. IX–X вв., выявленный на периферийных, как считается, зонах поселения. В слое непосредственно под постройкой 931 г. располагалась пара частично ею перекрытых больших домов срубного типа с отопительными устройствами, располагающимися в центральной части построек. Их стратиграфическое положение и дендродаты полностью соответствуют датам горизонта E_1 ²¹. Можно вполне уверенно констатировать, что перестройки на западной и южной окраинах поселения в пределах Земляного городища после пожара горизонта E_2 (V яруса) демонстрируют совпадение как хронологическое, так и структурное.

Горизонт E_1 на этих участках занимает одна большая постройка в западной части и две больших постройки в южной²², возводящихся, соответственно, в 894 г. или серией сменяющих друг друга сооружений на руб. IX–X в./в первые десятилетия X столетия. В 930–931 гг. оба участка перестраиваются — на них возводятся очередные «большие постройки», доживающие с перестройками в западной части до 960-х гг., в то время как аргументированную верхнюю дату функционирования большой постройки 931 г. мы пока предложить не можем. Впрочем, исходя из ее нахождения в нижней части горизонта Д, ясно, что она может оказаться сопоставимой с датой комплекса из раскопок Е. А. Рябинина. Интересно, что пограничные участки застройки Ладоги на протяжении длительного хронологического отрезка оказываются заняты большими постройками. Это, в свою

²¹ Эти постройки в настоящий момент остаются неопубликованными, и в ожидании авторского обращения к этим материалам мы пока ограничиваемся общей информацией.

²² Еще одно сооружение по-видимому относящееся к горизонту E_1 частично было вскрыто в 2004–2005. Оно уходит в южный борт раскопа, исследовано фрагментарно и находится в 4 м от пятна большой постройки 931 г. и большой постройки, находившейся под ней, будучи, вероятно, синхронно последней. Особенности конструкции, размеры и находившаяся по центру мощная песчано-золистая линза, канавообразные ямы по периметру, имеющие параллели в ладожском материале — все эти признаки вполне могут говорить о принадлежности и этого дома к традиции больших построек Ладоги.

очередь наводит на размышления о «центробежных» приоритетах в градостроительной планировке центра на Волхове, в кон. IX — нач. X в.

Можно счесть устаревшим тезис о прекращении в Ладоге традиции каркасно-столбовых жилых построек после возведения дома 894 г. Хотелось бы обратить внимание на то, что в последнем сооружении каркасно-столбовая конструкция была совмещена со срубной техникой формирования периметра галереи. В то же время в постройке 931 г. мы наблюдаем наборную конструкцию в чистом виде, которая уже впоследствии в несколько трансформированном виде используется в т. наз. «святилище на Варяжской ул.» (постройка II-V-5). Подчеркнем, что высказанное в литературе «типологическое родство» описанных ладожских построек с североевропейскими ставкирхами²³ представляется слишком общим. В скандинавских постройках более позднего времени в горизонтальные лежни, формирующие периметр здания, набирались вертикально стоявшие плахи или доски стен, в то время как в Ладоге, в целой серии разновременных сооружений в вертикальные столбы набирались горизонтально ориентированные доски и «родство» здесь, скорее планиграфического свойства; более того, некое сходство вызывает не столько сама постройка 894 г., сколько ее реконструкция в качестве двухэтажного сооружения, которая, как мы подчеркнули, уязвима для критики.

Сюжет, связанный с большими постройками Ладоги, несомненно потребует нового обращения, учитывая, насколько даже статистически изменилась их выборка благодаря последним раскопкам²⁴. Новый взгляд, как мы полагаем, должен в большей степени фокусироваться на их конструктивных особенностях в контексте, вероятно, североевропейской домостроительной традиции и ее преломления в материалах Ладоги и последующего древнерусского городского жилого зодчества. В этом смысле мы

²³ Рябинин Е. А. Новые данные. С. 23.

²⁴ Так, например, если в 1985 А. Н. Кирпичников проанализировал конструктивные особенности 9 известных на тот момент жилых больших построек Земляного городища и Варяжской улицы (Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога. Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л. 1985. С. 8–13), то теперь надо говорить об увеличении источниковой базы фактически в два раза.

настаиваем на отказе от пусть и заманчивого, но никак не аргументированного перехода к историческим обобщениям, которые давно столь распространены в археологической литературе, посвященной старолadoжским древностям.

Абсолютно бессмысленным представляется попытка связывать строителей/обитателей этих сооружений как с торговцами-русами Ибн-Фадлана²⁵, так и с окружением первых Рюриковичей, вплоть до самих династов²⁶. Полагаем нет нужды здесь останавливаться на источниковедческих проблемах, связанных с «Письмом» Ибн-Фадлана. Очевидно, в известном тексте, имеющем непростую историю, нет никаких деталей, могущих указать, какие же дома торговцев-русов арабский путешественник видел на Волге. Тем более, нет возможности найти эти детали в археологическом материале. Косвенные же данные — индивидуальные находки — едва ли всерьез могут свидетельствовать о проживании в конкретном сооружении купеческой артели. Другому аргументу — «спешному» характеру возведения дома 894 г., Е. А. Рябинин так и не привел никаких доказательств. Мысль эта была высказана на основании первого цикла исследования объекта, когда верхней дендродатой сооружения определялся 881 г.: «строительство... осуществлялось в течение 881 г.»²⁷. Позднее, с корректировкой даты до 894 г., эта интерпретация осталась неизменной. В то же время, как мы уверены, даже «неспешное» строительство на примере раннесредневековой Ладоги не может быть подтверждено археологией даже с опорой на дендродаты — так или иначе, мы вынуждены оперировать в наших размышлениях в лучшем случае десятилетними интервалами, в которых момент «спешки» уловить, конечно, сложно.

Отождествление построек 894, ок. 930 и 931 гг. с некой группой ладожской знати вплоть до самого верхнего слоя общества той эпохи нам так же представляется принципиально недоказуемым. В основе его — чисто исследовательское и по-человечески понятное восхищение ученого размерами этих сооружений на фоне окружающей застройки, но не более. Между тем, сегод-

²⁵ Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога... С. 72.

²⁶ Рябинин Е. А. Новые открытия... С. 47; Рябинин Е. А. Новые данные... С. 23, и ниже.

²⁷ Рябинин Е. А. Новые открытия... С. 46.

ня не приходится говорить об уникальной парности значительных сооружений на западной окраине поселения, выявленной Е. А. Рябининым. Мы безусловно имеем некую тенденцию, дублированную и в южной части Земляного городища, что в свою очередь диктует нового обращения к самой истории больших построек Земляного городища и Варяжской улицы.